

25 января 1977 г.

Заслуги народного артиста СССР О. Н. Ефремова в развитии советского искусства определяются как его режиссерской, так и актерской деятельностью в театре и кино. Она началась четверть века назад и ознаменована десятками поставленных спектаклей и сыгранных ролей.

Расскажем об одной из них. ...Петр Себейкин любит напевать. Тянет и тянет одно и то же — первую фразу старинного булаховского романа «Гори-гори, моя звезда...», но произносит ее искаженно: вместо «гори-гори», «сгори-сгори, моя звезда...» Пьеса М. Рощина «Старый Новый год» как раз и начинается именно этой фразой.

Зачем понадобилось такое ее искажение? Чтоб подчеркнуть невежество Себейкина, который говорит «ни-верситеты», «хочим» и не без бравады провозглашает: «У нас в доме книжек сроду не было!..»

В самой фамилии — Себейкин — заложено, казалось бы, зерно характера достаточно знакомого. Сам Себейкин так декларирует свое жизненное кредо:

— Мы устремились по пути личности... Нам всякого такого (дескать, возвышенного) не надо. Кому кино — а

О П Б У К В Ы К С У Т И

нам ино!.. На... дабы гроши да харчи хороши.

Эта формула элементарнейшей потребиловки сразу же реализуется в действии, претворяется, так сказать, в практику. В день, когда в набитой вещами квартире Себейкина собирались гости, чтоб встретить старый Новый год, сюда, словно по волшебству, по мановению Деда Мороза, поступают из торговой сети разные материальные блага, завозятся телевизор, холодильник, «пианино» и прочее.

Слово «пианино» хозяин дома, разумеется, склоняет, и вообще его лексикон никаких сомнений по поводу себейкинской культуры не оставляет. Матерый обыватель, хапуга, хам. Даже супруга Клава (К. Минина), и та читает его «пятыкласным сапогом», «буратиношук» и пеняет, что на настоящем-то заводе он никогда не работал и настоящим рабочим называться права не имеет.

— Хорошие-то рабочие — те в орденах на портретах висят! А вы кто?

Роль выписана густо, почти гротескно. Ее острая характерность бьет в глаз изда-лека, и, казалось бы, хватаясь ее исполнить за эту характерность покрепче да играй этакого туповатого, примитивного работягу поярче, и успех обеспечен.

Многие актеры Себейкина так и играют! Многие...

Ефремов же роль читает иначе, и его прочтение представляется типично мхатовским потому прежде всего, что смешное неожиданно оборачивается грустным, простое — сложным и многозначным, а глубинные течения живого человеческого духа вскрываются там, где, на первый взгляд, воплотилась сама бездуховность, и, казалось бы, вскрывать-то нечего.

...Первое наше знакомство с Петром Себейкиным состоится, когда в его квартире завершаются последние приготовления к встрече праздника, и хозяин, водрузившись на стол, заряжает новую люстру, мурлыча свое постоянное «Сгори-сгори, моя звезда...»

Все нервничают, суетятся... Его же движения деловиты, экономны, неспешны. Когда все шесть рожков загораются, лицо Себейкина озаряет радость, глаза веселые, смеются хитровато щурятся — но не от удивленного в них света — от удовольствия! Откинув назад голову, он поворачивает ее со стороны на сторону на длинной вытянутой шее, попеременно подставляя своему лоб, щеки, подбородок — будто стоит, не под люстрой вообще, а под ласковыми лучами весеннего солнышка. Вдруг выглянувшего после долгих недель ненастья и хляби. Хорошо-то как! Славно! Не ему одному — всем хорошо! Так радоваться может не каждый. Надо иметь добрую душу ребенка или поэта, чтобы радоваться так ликующе чистосердечно. Справившись с люстрой и трюжничисто спрыгнув на пол, Себейкин сноровисто ползает

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «Уважаемая редак- ция!»

Я очень люблю актера Олега Ефремова. Но в последнее время не вижу его ни в кинофильмах, ни по телевидению. Вероятно, он потому мало играет, что целиком занят сейчас режиссурой, МХАТом, который возглавляет.

К сожалению, мне ни разу не довелось видеть О. Ефремова в ролях театральных. Играет ли он сейчас у себя в театре? И не расскажете ли вы хотя бы об одной из его ролей на сцене МХАТа?

С уважением
Л. РОМАНОВА,
инженер.

тывает внедряемый в квартиру холодильник, и немудрящая операция эта тутчас обретает четкий смысл, которого была лишена до его вмешательства. Словом, за что бы Себейкин ни взялся, любое дело у него ладится, спорится, и очень скоро зарождается мысль, что ничто у него от рук не отобьется, что перед нами один из тех умельцев, которых Борис Житков называл людьми «с талантом в руке».

В пьесе мысль эта обозначена сколько-нибудь заметным намеком. Ефремову же именно она важна чрезвычайно, позволяя последовательно и точно строить характер не пошловатого деляги, а мастерового человека с возможностями большими, но нереализованными. Беда Себейкина в том, что он обокрал себя где-то; будучи способен на большое, ограничился малым, и в этом беспокойном человеческом ощущении находит актер эпицентр происходящего взрыва.

Доказывая Студенту (Г. Кочкожаров), что он вот, неученый, всего с пятью классами, а преуспел и дом у него — полная чаша, и идти в мастерскую или в «инженера» он не собирается — «дураков нету!» — Себейкин — Ефремов просто-напросто делает хорошую мину при плохой игре. И не Студента вовсе хочет он убедить, а самого себя! А убеждение это как раз и не дается ему! Никак!

Недаром же закадычный друг Вася, единственный, кто знает и настоящую цену Петру, и ту неудовлетворенность, что давно гложет, грызет ему сердце, без конца убеждает, уговаривает его:

— Ты отдыхай, Петя! Отдыхай!

А Пете не отдыхается. И Ефремов неопровержимо доказывает, что слова «Кому кино, а нам ино!» — не более чем слова, обман чистый, ширма для собственного успокоения. Духовное начало ему нужно. Необходимо. Он тоскует, задыхается от его отсутствия, и никакие пылесосы и холодильники najnowsейших систем этой утраты не компенсируют. Отчетливо!

красной нитью ведет актер эту мысль через весь спектакль.

Достигнутое материальное благоденствие душевного комфорта не принесло, и О. Ефремов заставляет нас, зрителей, отнестись к этому серьезно в той мере, в какой это допускается комедийным спектаклем. Причем комизм положения Себейкина в том, что, теряя к себе самоуважение, он, как утопающий хватается за соломинку, хватается за признаки уважения, оказываемого ему окружающими. Его отношения с ними выстраиваются, как попытка возместить для себя эту потерю, пригупить ее боль в сердце.

Вот Вася предан ему и тем необходим. Клава тоже любит его, верит в него, хотя и обижает, по-женски. В плане проверки «общественного уважения» очень важен тест, убежденный стяжатель, вдохновлявший его на достижение материальных успехов, и Себейкин зорким, ревностным глазом старается угадать его отношение. Нет, тут все «в смысле обстоятельство перспектив» зыбко, ненадежно. Продаст и купит, Кто бесит Себейкина, так это Студент. Нагло демонстрирует свое презрение к хозяину дома! И еще родная дочь Лизка (Е. Королева) доводит его до белого каления. Она может допереть «по пути личности» черт знает куда, только и знает верещит: «Мое! Мое!»

На редкость точно прокладывает О. Ефремов все коммунистические, соединяющие его героя с остальными действующими лицами.

Себейкину актер в чем-то сочувствует, в том, верно, что человек выбрал не ту дорогу, не туда забрел. Но не сам ли он и виноват в этом? Сам. В чем же дело? А в том, что добрый, мягкий, доверчивый, податливый, он старался жить так, чтобы всем потрафить, всех убажжить, совместить несоместимое. Это старание чудесно метафоризировано в неоднократно предпринимаемой Себейкиным попытке уместиться, улесться на крохотном старом сундучке, да еще валеные сапоги подложить в изголовье. А они, проклятые, сваливаются! Никак не держатся! На пол падают. Сундучишка-то узенький и короткий... Несовместимость получается. Смешно!

Вот и оказалась звезда Себейкина не той, не счастливой, а изначальная строка романа переиначилась не по малограмотности вовсе, не по глупому себейкинскому невежеству, а со смыслом, имеющим оттенок трагикомический.

«Сгори-сгори, моя звезда...»

Много поводов для серьезных раздумий и ассоциаций дает созданный актером на сцене МХАТа образ, решенный в традициях истинно мхатовских, требующих брать любой человеческий характер во всей его противоречивости, сложности и многозначности.

С. ФИХ.